

Коронационные торжества XIX века и Псковская губерния

В отечественной и зарубежной историографии последнего десятилетия стали появляться работы, посвященные исследованиям вопросов идеологического обоснования внутривластных мероприятий российского самодержавия XVIII – XIX веков. Авторы, скрупулезно рассматривающие данную проблематику, обращают внимание на многочисленный комплекс этико- исторических, политических, сословно-прагматических, иррационально-эмоциональных аргументов, которые использовала власть для объяснения своей политики. В поле зрения историков все чаще попадают различные публичные торжественные мероприятия XVIII – XIX веков в России, во время которых была использована совокупность выразительных средств, не требующих дополнительных разъяснений, рассчитанных на массовое сознательное и бессознательное восприятие. Церемонии церковных праздников, канонизации святых, и, конечно же, коронационных торжеств, складывались из знаковых систем разного рода и обслуживали политический процесс своими экзотерическими и эзотерическими средствами. Однако именно подобные церемонии наиболее ярко представляли конкретную политико - идеологическую линию власти. Огромные массы подданных могли не только лицезреть, но и быть участниками грандиозных мероприятий, тем самым они становились не только зрителями, но и актерами светских и церковных гала-представлений. Для достижения максимального эффекта власть тщательно планировала подобного рода демонстрации – составлялись сценарии, определялся круг участников, подбираемый из сословий, на которые власть вполне полагалась или которые стремилась привлечь, распределялись роли и распространялась информация о

Седунов Александр Всеволодович - ст. преподаватель Псковского филиала Санкт-Петербургского Университета МВД РФ

«представлении» на российских просторах с тем, чтобы подданные на окраинах империи были вовлечены в грандиозные публичные мероприятия.

Наивысшая эффективность достигалась при условии согласования всех торжественных церемоний с точки зрения общности реализуемых идеологием, их сочетании с конкретно-политическими мероприятиями. Иначе значение подобных празднеств минимально, а при определенных обстоятельствах могло привести к противоположным результатам. Поэтому любые «срывы» и негативные моменты, имевшие место во время подобных представлений очень болезненно воспринимались властью и имели весьма нежелательный резонанс, надолго остававшийся в общественном сознании. Ярким подтверждением этого служат события на Ходынском поле 1895 года.

Исследователи, специально изучавшие политический ритуал императорской России XIX – начала XX вв., отмечали, что «он является инсценировкой тех мифов, которые несли в себе цели и ценности самодержавной власти».¹ Это утверждение в полной мере относится к серии «прославлений», канонизаций, празднеств и юбилеев, широко отмечавшихся в XIX столетии. Особое место среди важных публичных мероприятий занимают коронационные торжества, поскольку именно в эти торжественные дни, имевшие сакрально-политическое значение, царь восславлялся в терминах «героической истории», представлялся подданным как помазанник Божий, олицетворяющий собой «силу и крепость Святой Руси». Церковь санкционировала неограниченное самодержавие как форму правления и как принцип политической власти, таинство миропомазания сообщало монарху дополнительную, иррациональную силу и благодать. Император получал важнейшие религиозные и исторические санкции, дававшие ему возмож-

ность легитимно проводить в жизнь избранный «сценарий власти». Коронационные торжества позволяли также подтвердить, что только православная церковь является основной выразительницей национальных ценностей, в противовес идеям секулярного рационально-эгалитарного государства. Коронационные торжества были еще важны и с другой точки зрения: манифесты императоров, оглашавшиеся в честь этого события, приносили амнистию многим категориям уголовных и политических (вспомним хотя бы помилование декабристов в 1856 г.) преступников, прощение или списание недоимок и разного рода долгов перед государством. Поэтому кроме эзотерического значения, воздействия эмоционального, рассчитанного на традиционные религиозные, историко-героические чувства и воспоминания русских людей, коронация приносила конкретные, доступные и понятные многим ценности – облегчение или улучшение материального и социального положения.

Необходимость вовлечения в торжества как можно большего числа подданных влекла за собой поиск путей информирования населения о событиях, проходящих в Москве в священные дни коронования. В губернии рассылаются циркуляры с рекомендациями о проведении праздничных мероприятий, иллюминаций и народных гуляний, приуроченных к этим важным в жизни страны событиям. В них, как правило, указываются наиболее предпочтительные формы – собрание в губернских присутственных местах или дворянских организациях, необходимость украшения улиц портретами, флагами и гирляндами, форму одежды должностных лиц. В подобных предписаниях содержались также указания по отбору среди жителей губерний крестьян, горожан и дворян тех, кто должен быть послан на коронацию в Москву. Циркуляры обращали внимание на благонадежность кандидатов на поездку и их заслуги перед отечеством. Выбор среди этих сословий не случаен, поскольку именно крестьянство и дворянство были опорой, фундаментом власти, что всячески подчеркивалось в различное время, особенно в царствование Александра III и Николая II.

Содержались в циркулярах и наставления по поводу посылки представителей иных национальностей и народностей, их формы одежды и численности состава. Так, в циркуляре министра внутренних дел 1895 года говорилось о том, что губернское начальство «должно назначить ... по возможности представителей различных народностей и племен», в одежде «их племени, с должностными знаками и знаками отличий».² Правительственные документы разъясняли также, что предпочтительно преподносить в дар, в знак выражения верноподданнейших чувств. Традиционными подарками, с точки зрения министра внутренних дел, являлись «хлеб – соль», иконы и «особо памятные вещи».³ Появление в царствование Александра II многочисленных общественных учреждений приводит к росту потока разного рода обращений и адресов, отправляемых на имя царя. Во многих из них содержатся пожелания, проекты и даже требования продолжения реформ. Знаменитые «адресные кампании» 1860-х, 1881, 1894-95 гг. вызывают у власти закономерные опасения, а первая публичная речь молодого Николая II 17 января 1895 г. содержит гневную отповедь тверским земским деятелям о «бессмысленных мечтаниях» увлекающихся людей.⁴ Не случайно, что МВД, заботясь о недопущении подобных эксцессов, в дни подготовки коронационных торжеств 1895 г., обращает внимание губернских властей на нежелательность посылки каких бы то ни было адресов от учреждений и частных лиц, поскольку «этот способ выражения верноподданнейших чувств не имеет основания в обычаях прежних времен».⁵ Тем не менее, различные организации Псковской губернии направили на Высочайшее имя приветственные адреса со словами «беспредельной любви и преданности».⁶

Среди подарков, которые псковичи передавали императорам в дни коронования, первейшее место занимают иконы. Псковская делегация в составе 3-х человек: предводителя дворянства, городского головы Ивана Постникова и мещанина Семена Трубина - в 1801 году вручила Александру I икону св. княгини Ольги. В 1826 году псковская делегация, поздравляя Николая I, дарит

ему некую «псковскую икону в богатом окладе»⁷. В 1883 г. Александру III вместе с адресом и поздравлениями от жителей губернии была вручена икона Спасителя, купленная на пожертвования уездных земских управ, а Николай II получил в дар икону Св. Всеволода-Гавриила, деньги на которую были собраны земскими и городскими гласными.

Однако не только иконы символизировали сакральный характер коронации. Местом основных мероприятий торжеств в Москве был Кремль и Успенский собор, где свершалось таинство Священного коронования и миропомазания. На периферии, в губерниях и уездах, центром торжеств становились кафедральные и главнейшие храмы и церкви. Здесь, в «единении всех сословий», проходила торжественная служба и крестные ходы. Они открывали празднества, продолжавшиеся в светских формах. Накануне города украшались флагами, гирляндами, портретами монарха, устраивались иллюминации на улицах и возле домов.

В Пскове в 1826 году, в дни коронации Николая I, по заведенной с 1801 года традиции, представители дворянства, купечества, мещанства, «делового мира», все гражданские служащие собрались в доме гражданского губернатора, а затем проследовали через торговую площадь к Троицкому собору. На площади к ним присоединились воинские подразделения, одетые по случаю в парадную форму. В соборе была отслужена торжественная литургия, затем состоялся крестный ход. В уездах губернии также прошли богослужения во всех храмах.⁸ В 1856 году церемония практически не менялась – торжественное шествие представителей сословий, гражданских служащих и воинских формирований в Кремль, в Троицкий собор для молебствия и крестного хода.

В дни коронации Александра III 14 мая 1883 года во всех церквях города Пскова и губернии по повелению Синода состоялись всенощные бдения и ранние литургии. Утром 15 мая от храмов г.Пскова к Троицкому собору направились крестные ходы с хоругвями и крестами. Объединившись в Кремле, процессии под колокольный звон направились на торговую площадь, где на «специ-

альной эстраде состоялось торжественное богослужение при большом стечении народа».⁹ Впервые, кроме участия в службе, население города получило и печатные средства – брошюру «Основы самодержавия. Чин коронования», объясняющую божественный смысл коронации русского царя и особенности его статуса в связи с миропомазанием. В условиях распространяющихся в стране либерально-эгалитарных теорий это было очень важно. В некоторых уездных городах священники после публичного богослужения выступили с проповедями о необходимости единения вокруг престола всех русских людей, о церкви и самодержавной власти. Нередко, по сообщениям исправников, в качестве отправного текста для проповеди выступала брошюра «Бога бойтесь, Царя чтите», разосланная по епархиям и приходам в 1882 году.¹⁰ Молебствия и проповеди заканчивались, как правило, неоднократным пением гимна «Боже, царя храни» и патристических песен «Тебе, самодержавный наш государь...», «Мы скромные труженики», вслед за чем в городах палили из пушек и играли оркестры на оборудованных эстрадах и площадках.

Празднество в честь коронации Николая II вместо обычных двух продолжалось три дня. В 1896 году, 14 мая, торжества дополнялись чтением Манифеста Николая II о восшествии на престол (присланного по телеграфу) и военным парадом, в котором кроме Омского и Иркутского полков приняли участие учащиеся Кадетского корпуса, пожарная команда и полицейские чины. Затем публике раздавали портреты императора, различные брошюры и тексты молитв. Вслед за этим начиналось народное гулянье. В различных местах – на городской площади, на плацу Иркутского полка, в парках играли оркестры для увеселения жителей. Для интеллигентной публики были устроены танцы на эстраде у здания Присутственных мест. Вечером, как и во время предыдущих коронационных торжеств, на р. Великой был устроен фейерверк. Иллюминации, салюты и стрельба из пушек проходили и в других городах. 15 и 16 мая народные гулянья были продолжены – на плацу и эстраде исполня-

лись патриотические песни, для публики были устроены поездки на пароходе на Талабские острова, а вечером – традиционный фейерверк.¹¹

Обязательным мероприятием в ходе праздников было угощение обывателей и раздача различных подарков. Как и ранее, в 1883 году для жителей городов были накрыты столы с «вином, пивом, водкой и закуской за счет городских средств». Застолье традиционно начиналось пением гимна и приветствием городского головы. Более титулованная публика направлялась либо в дом губернатора, либо в губернское дворянское собрание для торжественного обеда (или завтрака) и бала.

Важным элементом коронации было объявление высочайшим Манифестом тех или иных льгот и послаблений различным категориям жителей страны. Помимо этого, грандиозные праздники помогали решать и незначительные, с точки зрения всей страны, но актуальные для небольших уездов, городов и губерний задачи. Это прежде всего относится к улучшению, хотя бы и временному, рациона заключенных и условий содержания их в тюрьмах и арестных домах, это создавало праздничную атмосферу, способствовавшую росту монархических чувств. В Порхове в 1883 году удалось собрать более ста рублей, что позволило в течение 4-х дней кормить арестантов мясной горячей пищей, кашей с маслом и пирогами. В Пскове заключенные тюремного замка в течение 10 дней после майских торжеств 1896 года получали мясной рацион¹², а также в результате пожертвований были собраны средства для ремонта нескольких камер и внутренних помещений.

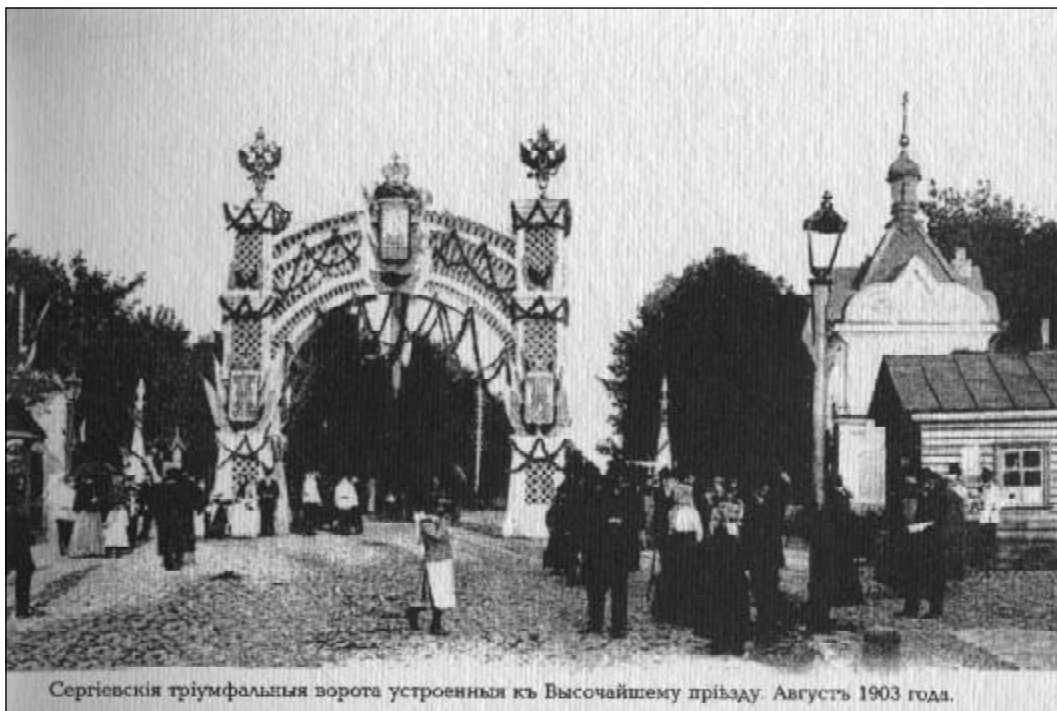
Полицейстеры, частные приставы и исправники в отчетах рисуют впечатлительную картину выражения верноподданнейших чувств и активного участия населения в торжествах. В церкви пришло очень много людей – «стечение народа громадное», – сообщал новоржевский исправник; из Порхова, Острова, Опочки, Новоржева полицейские чиновники отчитывались, что «в церкви пришла масса народа», «проходя мимо портретов царя, люди снимали шапки, осе-

няя себя крестным знаменем, у многих на глазах были слезы».¹³

Подготовка праздничных торжеств – устройство столов с напитками и закусками для угощения горожан, постройка эстрады и площадок для оркестров и танцев, вечерние иллюминации и большое стечение людей не могут не волновать органы власти. Министр внутренних дел в 1883 и 1896 гг. специальными предписаниями запрещает губернаторам покидать вверенную им губернию «ввиду того, что местные торжества Священного и выдающегося в народной жизни события, неминуемо должны быть обеспечены порядком».¹⁴ Губернатор, в свою очередь, делает распоряжения для полицмейстера и исправников, где говорится о необходимости усиления службы в дни коронационных торжеств. Полицмейстер инструктирует частных приставов, пожарную команду и внутреннюю стражу об охране благочиния и правильного поведения, бережения от огня в моменты фейерверков и недопущении неразрешенных митингов и собраний. Особое внимание должно быть уделено наблюдению за порядком в питейных заведениях «для пресечения безобразий всякого характера».¹⁵

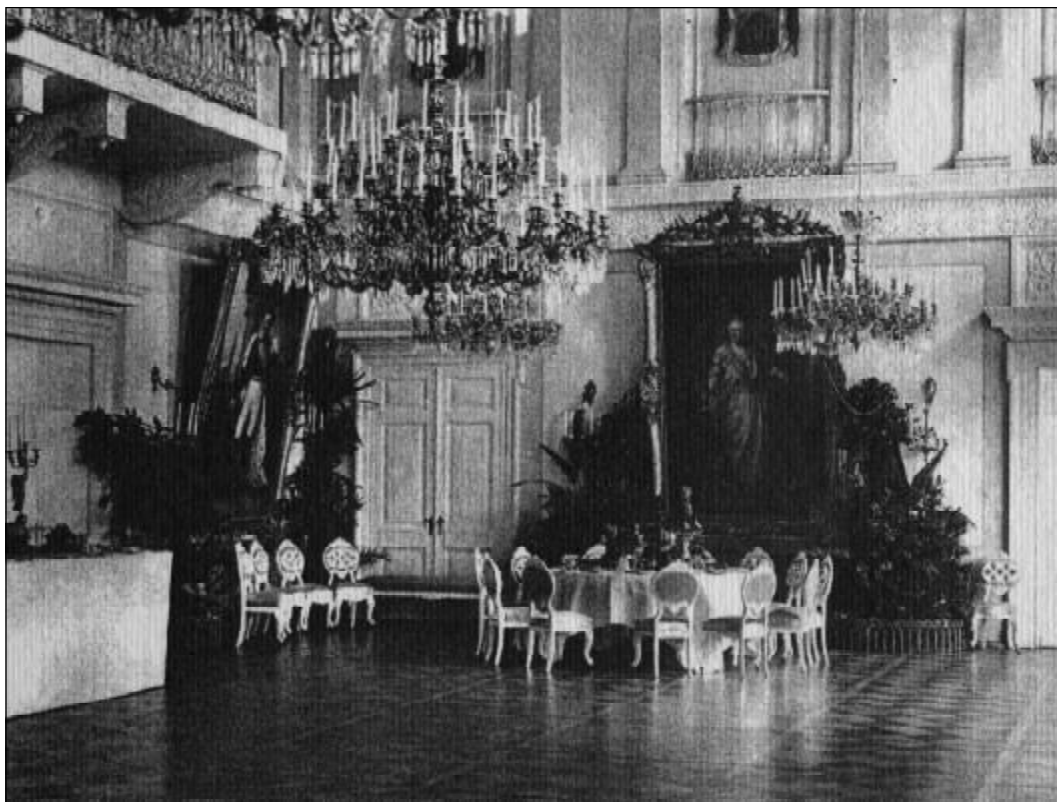
Не только полиция была озабочена поведением жителей в дни коронации, в условиях расширенной винной торговли и накрытых столов для угощения горожан вином и водкой. Епархия распространила в приходах обращение архиепископа к прихожанам, священники в канун 15 мая должны были огласить его в церквях. А псковский полицмейстер дал указание раздать текст обращения городским и нижним полицейским чинам. Архиепископ призывал: «не нарушать дней празднования хождением по питейным заведениям... вести себя благоприлично, посещать храмы Божии, стоять в них благоговейно и не позволять себе каких бы то ни было поступков, противных святости дней такого величайшего торжества».¹⁶

Частный пристав, полицмейстер, исправники сообщали о соблюдении порядка во время праздничных мероприятий. В рапортах и отчетах должностных лиц не встречается сведений о безответственном поведе-

Сергиевскія триумфальныя ворота устроенныя къ Высочайшему прѣезду. Августъ 1903 года.

Сергиевские триумфальные ворота устроенные к Высочайшему приезду. Август 1903 г.

Зал Псковскаго Дворянскаго собранія для торжественныхъ приемовъ.

нии жителей, ни в одном уезде полиция не фиксирует правонарушений, в отчетности отсутствуют цифры о задержанных лицах и о пьяных в эти дни. Такое намеренное невнимание в отчетах к нарушениям общественного спокойствия вполне объяснимо – с точки зрения представителей власти, в «светлые и великие дни священного коронавания» подданные должны являть собой пример добронравия и покорности. Поэтому фиксация правонарушений в это время неуместна и нежелательна, может вызвать неоднозначную реакцию не только у губернских властей, но и в МВД.

Однако на полицию в эти праздничные дни возлагалась не только задача по поддержанию порядка и составлению отчетов. Важнейшей задачей административно-полицейских структур был подбор кандидатур из числа городских и сельских жителей для отправки в Москву для непосредственного участия в коронационных торжествах. МВД неоднократно запрашивало губернские жандармско-полицейские органы о необходимости сообщения сведений на каждое конкретное лицо. Когда в начале XIX века на коронацию Александра I были направлены И.Постников, С.Трубин и представитель псковского губернского дворянского собрания, на запрос генерал-губернатора канцелярия гражданского губернатора характеризовала вышеуказанных лиц как «вполне заслуженных», имеющих императорские награды.¹⁷ Спустя четверть века, в 1826 году, от губернии требуют более расширенного социального представительства: предводителей дворянства, городского голову и представителя крестьянства. Практически те же предписания (удвоилось лишь число представителей от дворянства и крестьянства) были направлены в Псковскую губернию в 1856 году. Наиболее широкое представительство от населения и сословий губернии было отправлено в Москву в 1883 году на коронацию Александра III. Устроители торжеств, ориентируясь на идеи «народного самодержавия» и заявления самого Александра III: «Я царь крестьян. <...> Обязан доставлять средства к жизни низшим классам. <...> Я нахожу, что это лучший способ дви-

гать человеческую машину»,¹⁸ - призвали в первопрестольную большое количество волостных старшин, как наиболее заслуженных представителей крестьянства. Александр III, по словам С.Ю.Витте, «относился глубоко сердечно по всем нуждам русского крестьянства в частности и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного русского царя: понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе – начальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих».¹⁹ В основе теории «народного самодержавия» лежала мысль о единении народа и царя, посредником, «живым звеном» между ними должно стать дворянство. Отсюда и стремление к максимальному представительству именно этих сословий на коронации в мае 1883 года. Один из циркуляров МВД прямо говорит о воле императора увеличить число волостных старшин до 5 человек от губернии. Губернское жандармское управление совместно с полицейскими чинами в течение нескольких недель выясняло степень благонадежности кандидатов, предложенных уездными исправниками. Волостной старшина из Островского уезда Антон Силин, Опочечкий – Василий Алексеев, Егор Тимофеев из Порховского уезда, Иван Тимофеев от Псковского и Иван Матвеев от великолукского крестьянства вполне соответствовали требованиям МВД – по отзывам отличались верноподданническими чувствами, обладали благодарственными грамотами от властей за примерное исправление своих обязанностей по службе.²⁰

Буквально накануне майских торжеств МВД еще раз увеличило квоту для волостных старшин до 7 человек – к указанным и проверенным крестьянам после совещаний с исправниками были добавлены Василий Никитин и Петр Захаров, представлявшие крестьянство Новоржевского и Торопецкого уездов.

Дворянское собрание.

Кроме волостных старшин, на коронацию, по согласованию с МВД, были направлены делегации земских уездных собраний и представители Псковского губернского земства. Состав делегаций был сформирован по сословному принципу – возглавляли их предводители дворянства – председатели управ. Среди членов – представители торгово-промышленных классов и крестьянства. Тем самым обеспечивалось почти полное участие всех сословий в коронационных торжествах, что должно было еще раз подчеркнуть народный характер самодержавной власти. От Псковской губернии в Москву были направлены потомственные дворяне Н.М. Неклюдов, В.П. Горбунов, Н.А. Беклешов, Э.Р. Сутгоф, Г.А. Лавров, А.Е. Зарин, С.А. Строганов, А.А. Карпов (часть дворян должны были встречать императора верхом на лошадях при въезде в Москву). От купечества А.М. Качев, П. Калашников, Р.Х. Вельц, запасными стали К.К. Гельдт, В.Я. Сафьянщиков, М.Ф. Барзов. От крестьян – С.А. Щеголев и В.Н. Захаров. По возвращении из столицы участники торжеств провели несколько встреч с крестьянами и горо-

жанами, где раздавали привезенные брошюры «Что такое царская коронация», зачитывали специально распечатанные слова императора с обращением к подданным, а также подробно рассказывали о самой церемонии. Полицейские исправники регулярно отчитывались перед императором об этих встречах, о числе пришедших и настроениях крестьян.

Иную картину отбора представителей от губернии рисуют документы канцелярии губернатора и материалов жандармского и полицейского управлений в 1896 году. Циркуляр МВД подробно разъясняет, кто может быть отправлен в столицу. «Его императорское величество соизволил по примеру предыдущих коронаций вызвать в Москву депутатов сословных, городских, земских: от дворянского собрания, от губернской земской управы, от городского населения, от сельского населения».²² Далее в циркуляре говорится, что от городского населения следует направлять «почтеннейших из городских обывателей губернских и областных городов». От сельских жителей должны были быть отправлены волостные старшины либо

«почтеннейшие из сельских обывателей по выбору губернского начальства». При выборе непременно должны были участвовать уездные предводители дворянства и земские участковые начальники. Указывалось, что важным фактором должны быть личные заслуги и награды кандидатов. Жандармское управление совместно с полицией должны были выяснить степень их благонадежности, составить и выслать в МВД по этому поводу подробный отчет. Справка о политической благонадежности выдавалась на стандартном бланке, где указывались краткие биографические данные, место жительства и давалось заключение о неучастии лица в антиправительственной деятельности. Власть, озабоченная земской «адресной кампанией» 1894 – 95 гг., была вынуждена заботиться о недопущении возможных политических выступлений, памятуя резонансную речь Б.Н. Чичерина в Москве в дни коронации 1883 года, которая вызвала крайнее неудовольствие Александра III и его окружения. Московский городской голова, известный правовед и публицист Б.Н. Чичерин заявил, что борьба с радикальными элементами «производящими смуту» возможна лишь в единении правительства с земствами, которые должны объединиться, обменяться мнениями и выработать общую политическую линию.²³ Такие выступления в дни священной коронации для консервативного окружения Александра III были синонимом публичного призыва к введению парламента в России. Подобных ситуаций и пытались избежать устроители торжеств, включая в циркуляры МВД слова о традиционных подарках – иконах, хлебе и соли, но ни в коем случае не адреса от земских и других общественных организаций, в которых могли содержаться призывы к продолжению реформ.

По поводу выбора кандидатов для поездки в первопрестольную разгорелись нешуточные споры между исправниками, земскими начальниками, земцами и предводителями дворянства. В протоколах заседаний уездных земств в 1896 г. содержатся взаимные обвинения в «недолгосрочности» службы, недостаточности наград у тех или иных кандидатов. Несколько человек, ища

поддержки своей кандидатуры у административно- полицейских структур, вызвались даже следить за волостными старшинами в Москве, во избежание «возможных неприятностей».²⁴ Несколько кандидатур было отклонено, видимо, после совещаний исправников, губернатора и начальника жандармского управления, по причине недостаточной благонадежности или в результате излишней экстравагантности. Так, капитан псковского кадетского корпуса К.М. Лялин и опочецкий дворянин Я.Н. Офросимов вызвались ехать в Москву верхом «по примеру предков».²⁵ К апрелю 1896 года дворянские, уездные и городские деятели представили списки людей, направляемых на торжества. Как и в 1883 году, псковское представительство, подобно большинству делегаций от губерний, состояло из предводителей дворянства, земских деятелей, горожан и крестьян. В Москву были направлены Н.И. Новосильцов, Н.А. Дондуков-Корсаков, А.Е. Зарин, Э.Р. Сутгоф, И.В. Гладков, М.Ф. Борзов, П.П. Елагин, волостные старшины Н. Данилов, В. Смирнов, М. Григорьев, И. Тимофеев, Я. Коршунов, И. Андреев, Ф. Иванов, Г. Никонов.²⁶

Анализ делегаций 1883 и 1896 гг., посылаемых на празднества в Москву, позволяет сделать вывод о том, что в число представителей включались наиболее лояльные сторонники самодержавия. Те же гласные, кто настаивал на реформировании страны, реорганизации системы управления, расширения прав земских учреждений, не входили в число делегатов. Власть, призвав земцев участвовать в коронационных торжествах, тем не менее ограничивает их возможности, вводя запреты на конкретные действия, а также отгесняя наиболее либеральных деятелей.

Коронационные торжества в Москве 1896 года оставили особый след в истории – Ходынская трагедия самым неблагоприятным образом отразилась в общественном сознании. Множество погибших в дни священного миропомазания символизировало надвигающуюся бурю и потрясения в годы предстоящего царствования. От возвратившихся из столицы псковских делегатов МВД губернские власти уже не требуют встреч с народом

и патриотических рассказов об увиденном в дни коронации Николая II.

Все возрастающее участие представителей дворянства, крестьян, горожан, а с 1883 года земских деятелей в коронационных торжествах, включение губернских делегаций в процедуру встречи императора при въезде в первопрестольную, сопровождение монарха должны были создать символическую картину традиционности, силы и могущества самодержавной власти. Проведение массовых торжеств в губерниях России позволяло вовлечь еще большее число подданных в реализацию

«сценария власти». Однако секуляризация общественной жизни, рост эгалитарных процессов в обществе, развитие предпринимательства и «буржуазной этики поведения», противоречивость политики последнего императора²⁷ постепенно приводили к диссонансу между самодержавным политическим ритуалом и социо-историческими реалиями. Массовость таких сакральных церемониалов, каковым являлась коронация, в условиях конца XIX – начала XX вв. создавала противоположный по отношению к ставящимся задачам эффект – «потерю святости» русской монархии.

Примечания:

1. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия. // История СССР, № 2, 1991, с.119.
2. ГАПО. Ф.20, оп. 4, д.6, л.2-2об.
3. ГАПО. Ф.20, оп. 4, д.6, л.2.
4. Родичев Ф. Из воспоминаний. // Современные записки (Париж) 1933, с.295.
5. ГАПО, Ф.20. оп. 4., д.6, л.2.
6. Адреса были посланы Опочецкой городской думой, Торопецким вольным пожарным обществом, ремесленниками поселка Сольцы. ГАПО, Ф.20. оп. 4., д.6, лл.133-144.
7. ГАПО. Ф.20, оп. 1, д.780, лл.41, 48.
8. Там же, лл.53об., 54-55.
9. ГАПО. Ф.20, оп. 1, д.2341, лл.84-84об.
10. Там же, лл. 120-121, 122, 131.
11. ГАПО. Ф.20, оп. 4, д.6, л.74, 74об.
12. ГАПО. Ф.20, оп. 1, д.2341, лл.7, 8, 9, 102 и др.
13. Там же, лл.133, 155об.
14. ГАПО. Ф.20, оп. 4, д.6, л.62.
15. Там же, лл.173-176.
16. ГАПО. Ф.20, оп. 1, д.2341, лл.85-85об.
17. ГАПО. Ф.20, оп. 1, д.780, лл.31, 32, 33 – 33об.
18. Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996, с.380-382.
19. Витте С.Ю. Воспоминания в 3-х тт. Таллинн, 1994. Т.1, с.405.
20. ГАПО. Ф.20, оп. 1, д.780, лл.7-7об., 8-8об.
21. Там же, лл.150-155об.
22. ГАПО. Ф.20, оп. 4, д.6, л.1.
23. Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998, с.539-541.
24. ГАПО. Ф.20, оп. 4, д.6, лл. 59-59об.
25. Там же, лл.34, 92.
26. Там же, лл.10-53.
27. Уортман Р. Указ. соч., с.127.